ление о социальной структуре, экономических, политических и духовных приоритетах, складывающихся социальных групп, их жизненных устремлениях. По этим соображениям мы решили опубликовать фрагменты книги К.Манхейма «Идеология и утопия» в данном номере журнала.

© Жовтун Д.Т.,2010

***К. Манхейм*[1]**

ГЛАВА II. ИДЕОЛОГИЯ И УТОПИЯ

<…> До настоящего времени утопичность и идеологичность мышления выявлялась пристрастно (т. е. только в мышлении противника), при этом собственная позиция оставалась вне подозрения. Здесь предпринимается попытка пересмотреть под этим углом зрения все позиции мышления, чтобы тем самым достигнуть, наконец, объективной постановки вопроса. Лишь после того, как будет проведена эта необходимая для современного мышления радикализация постоянно преследующей нас проблемы, можно будет, исходя из этого, задать вопрос: как на данной ступени мышления вообще еще возможно познание, как на данной ступени было еще возможно духовное существование.

<…> Поскольку автор данной книги сознает, что мышление находится в кризисной ситуации, и вместе с тем не сомневается в возможности найти выход из нее, он не предлагает преждевременных решений вопроса. В нашем положении попытка опрометчиво принять какую-либо частичную истину, представляющуюся нам в данный момент абсолютной, и создать тем самым непреодолимую преграду для понимания тех феноменов, которые различимы лишь в своем брожении, привела бы к значительному сужению нашей проблематики. Для того чтобы исследователь мог обнаружить подлинную природу процесса, он должен дать кризису достигнуть определенной глубины и широты, поставить под вопрос все то, что представляется неустойчивым. И прежде всего необходимо проявлять осторожность по отношению к собственному мышлению, ибо в нем заключены различные возможности, противоречивость которых мы обычно тщательно скрываем от себя; Исходя из этого, мы не будем смягчать противоречия, возникающие из различных подходов к вопросам, ибо в данный момент важно не установление правоты, а отчетливое выявление всех противоречий, чтобы

[1] Печатается по: Карл Манхейм. Диагноз нашего времени/ пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994.

в последующих попытках решения все проблематичное могло бы быть осмыслено на более высоком уровне и в более широком масштабе.

Подобному намерению и подобной теме меньше всего соответствует классическая архитектоника, поскольку ее размеренное спокойствие скрывает именно то, что является проблематичным. Поэтому мы сознательно отказываемся в нашем изложении от извне привнесенного построения, чтобы тем решительнее следовать за внутренней логикой мысли. Аргументы и факты привлекаются лишь в той степени, в какой этого требуют естественные границы проблемы, и, наоборот, под вопрос часто ставится все то, что вообще может быть поставлено под вопрос в данном контексте.

Ибо прежде всего важно понять, что постановка проблемы идеологии и утопии отражает не просто появление двух оригинальных, самих по себе изолированных феноменов. Слова «идеология» и «утопия» указывают не на появление двух новых исторических явлений, а на то, что актуальной стала совершенно новая тема исследования. Весь мир, собственно говоря, стал теперь объектом исследования в совершенно новом смысле, поскольку под углом зрения двух названных понятий все смысловые отношения, которые только и делают мир миром, выступают перед нами в совершенно новом видении.

В чем же состоит это новое видение, которое по существу определяет наше место в мире, еще в большей степени – наше отношение к самим себе и к тем идеям, которые нами руководят? В самой простой форме это можно выразить следующим образом: если раньше наивный, цельный человек жил, руководствуясь «содержанием идей», то мы все более воспринимаем эти идеи по их тенденции как идеологии и утопии. Для непосредственного мышления, руководствующегося идеями, идея есть непререкаемая реальность; ведь доступ ко всем явлениям действительности совершается посредством идеи, подлинное бытие и истинное познание мыслимы лишь посредством соприкосновения с этой высшей сферой.

Тем самым мы, разумеется, совсем не хотим сказать, что люди прежних времен жили в полном соответствии с господствовавшими тогда идеями, т. е. в каком-то смысле были «лучше», – идейность их мышления не исключала брутальности, варварства и зла. Однако мы либо удавалось скрывать от себя это отклонение от нормы посредством хорошо отрегулированного механизма бессознательного, либо они воспринимали это как грех, как проступок. Человек был непостоянен и зол, но сфера идеальных норм и высшего смысла оставалась непоколебимой, подобно звездному небу. Здесь в этом пункте и произошел основополагающий, исторический и субстанциальный сдвиг в тот момент, когда человек научился не просто принимать идеи в их интенциональном значении, а проверять их под углом зрения их близости к идеологии или утопии. Общим и в конечном итоге

решающим для понятия идеологии и утопии является то, что оно позволяет осмыслить возможность ложного сознания. Если это и составляет его наиболее глубокий смысл, то тем самым мы отнюдь не беремся утверждать, что само это понятие всегда достигает глубинных слоев проблематики, но потенциально они содержатся в нем.

<…>

2. Значение понятия идеологии в исторической перспективе

Анализ понятий частичной и тотальной идеологии отчетливо показывает, что они отличаются друг от друга по своему значению; но и их исторические корни представляются нам совершенно разными, хотя в реальной действительности оба эти вида идеологии все время переплетаются. Мы не располагаем еще исследованиями, рассматривающими историю понятия идеологии, не говоря уже о написанной с социологических позиций[18] истории того изменения, которое претерпело значение этого понятия. В данной связи мы не ставим перед собой задачу изложить, как изменялось значение этого понятия, даже если бы мы считали возможным на данном этапе это осуществить. Поэтому наша цель сводится к тому, чтобы из большого числа разбросанных материалов и в большей своей части известных фактов выделить те моменты, которые позволяют с наибольшей убедительностью продемонстрировать названное различие, а также показать (или только наметить), как постепенно возникла острая современная ситуация.

В соответствии с тем двойным значением понятия идеологии, которое мы установили в ходе нашего анализа, можно рассматривать в двух направлениях и историю этого понятия: как историю частичной и историю тотальной идеологии.

Что касается понятия идеологии, то его непосредственно подготовило то ощущение недоверия и подозрения, которые человек на каждой данной стадии исторического развития обычно испытывает по отношению к своему противнику. Но только с того момента, когда это свойственное всем людям на всех стадиях исторического развития недоверие обрело методический характер, можно говорить о подозрении в его идеологическом значении. Эта стадия достигается обычно тогда, когда ответственность за сокрытие подлинных обстоятельств перестают возлагать на отдельных субъектов и все это не объясняют больше их хитростью, но усматривают источник неискренности противника – более или менее осознанно – в каком – либо социальном факторе.

Как идеологию взгляды противника начинают расценивать с того момента, когда их не считают больше заведомой ложью, но ощущают во всей

его позиции некую неправду, которую толкуют как функцию определенного социального положения. Понятие частичной идеологии указывает на феномен, занимающий промежуточное положение между про- стой ложью и теоретически неверно структурированной точкой зрения. Его объектом являются пласты заблуждения на психологическом уровне, которые создаются не преднамеренно, как в том случае, когда прибегают ко лжи, но являются следствием определенной каузальной необходимости.

С этой точки зрения учение Бэкона об идолах может в известной степени рассматриваться как предвосхищение современной концепции идеологии. Для Бэкона идолы – «призраки», «предрассудки»; он различает, как известно, idola tribus[19], idola specus[20], idola spori[21], idola thatre[22]. Они являются источником заблуждений, проистекающих в одних случаях из человеческой природы как таковой, в других – из свойств отдельного индивида; их можно относить и к обществу или традиции, и все они преграждают путь к подлинному знанию[23]. Нет никакого сомнения в том, что современное понятие «идеологии» так или иначе связано с этим термином, который – как было только что сказано – означает у Бэкона источник заблуждения. И понимание того, что общество и традиции также могут стать источником заблуждений, несомненно можно рассматривать как некое предвосхищение социологического аспекта[24]. Однако утверждать, что здесь существует реальное соотношение, прямая связь с современным понятием идеологии, которую можно рассматривать в рамках истории идей, мы не считаем возможным.

Вполне вероятно, что подозрение в наличии идеологии впервые возникло в сфере повседневного опыта политической практики. И если мы узнаем, что в эпоху Возрождения в среде соотечественников Макиавелли сложилась новая поговорка (фиксировавшая общее наблюдение людей того времени), что в palazzo[25] мыслят иначе, чем на piazza[26])[27], то это подтверждает предположение, согласно которому политика все глубже проникала в жизнь общества. Здесь уже намечаются подступы к упомянутой стадии, когда подозрение и недоверие подвергаются методическому переосмыслению: различие в мышлении находит свое обоснование в факторах, допускающих социологическое объяснение. И если Макиавелли со свойственной ему резко выраженной рациональностью видит свою задачу в том, чтобы установить связь между различными точками зрения и определенными интересами, если он стремится предоставить каждому носителю определенных интересов некую «mrdicina forte» – эффективное средство исцеления»[28], то здесь точка зрения, обратившая на себя наше внимание в вышеприведенной поговорке, выражена с еще большей методичностью. Отсюда уже прямой переход – во всяком случае в той мере, в какой речь идет об общей направленности, – к рациональным методам Просвещения и к возникшей на их основе психологии интереса. И вплоть

до настоящего времени одно понятие идеологии, названное нами понятием частичной идеологии, коренится именно в этих подступах. То, что было сказано об («Истории Англии» Юма[29], а именно, что в этой работе пред посылка лицемерия, склонности «to feign»[30], имеет очень большое методическое значение и характерна для тогдашнего рационального отношения к людям, применимо и в наши дни для характеристики определенного подхода к истории, оперирующего понятием частичной идеологии. Это мышление направлено на то, чтобы методами психологии интереса постоянно ставить под сомнение искренность противника и тем самым оспаривать значение его высказываний. До тех пор пока речь будет идти о разоблачении частичных искажений, этот способ мышления сохранит свое позитивное значение, Подобная установка на разоблачение является основной чертой нашего времени[31], и если, согласно достаточно распространенному мнению, в этом усматривается отсутствие благородства, неуважение (и в той мере, в какой подобное разоблачение превращается в самоцель, эта критика должна быть признана обоснованной), то не следует забывать того, что эпоха преобразования, подобная нашей, порывающая с таким количеством ставших невыносимыми покровов и форм, вынуждена занять такую позицию.

<…>

4. Проблема «ложного сознания»

Понимание того, что ложное сознание возможно, относится к древнейшим временам. Оно коренится в религии и воспринимается современными людьми как духовное наследие прошлого. Эта проблема постоянно возникает в тех случаях, когда в среде пророка или у него самого появляется сомнение в истинности его видения или учения[33].

Следовательно, можно как будто утверждать, что и здесь – как это часто случается в истории – унаследованы древние представления, и изменение заключается лишь в том, что этот элемент мышления древних конституируется теперь на иной основе более позднего опыта. Однако в данном, как и в других подобных случаях, этим выводам, направленным на сведение всего к прошлому, следует противопоставить уверенность, что решающей для упомянутой идеи является именно ее современная форма, а не те издавна существующие представления, о которых только что шла речь. Если раньше тезис о ложности сознания был лишь эмфатическим утверждением, то в современной его форме он обретает характерную именно для него непреклонность, ибо благодаря методам упомянутого анализа сознания он достигает уровня последовательно проведенного доказательства. Прежняя «анафема» заменяется критикой, опирающейся на научные выводы.

Однако, быть может, еще большее значение имеет то изменение, о котором пойдет речь ниже. С исчезновением религиозной основы этой проблемы изменился не только метод доказательства и выявления ложности сознания, но произошел и резкий сдвиг в системе ценностей, применительно к которой определяется истина или ложность, реальность или иллюзорность явлений. Пророк сомневался в подлинности своего видения потому, что он ощущал себя оставленным Богом; его беспокойство носило трансцендентный характер. Если же у нас возникает подозрение в том, что мы обладаем ложным сознанием, то мы опасаемся того, что окажемся несостоятельными перед лицом какой – либо светской инстанции.

Для того чтобы более точно установить, в чем заключается сдвиг, который претерпел критерий реальности после исчезновения его религиозного обоснования, необходимо подвергнуть значение слова «идеология» тщательному историческому анализу и под этим углом зрения. И если это заведет нас в область становления повседневной речи, то послужит лишь доказательством того, что история человеческого мышления складывается не только в книгах и что даже решающие онтологические акценты могут возникать в становлении повседневности, полу- чая затем дальнейшее распространение и определение.

Слово «идеология» не имело вначале онтологического оттенка, ибо первоначально означало лишь учение об идеях. Идеологами[34] называли, как известно, сторонников одной философской школы во Франции, которые вслед за Кондильяком отвергли метафизику и пытались обосновать науки о духе с антропологических и психологических позиций. Понятие идеологии в современном его значении зародилось в тот момент, когда Наполеон пренебрежительно назвал этих философов (выступавших против его цезаристских притязаний) «идеологами». Тем самым это слово впервые получило уничижительное значение, которое оно – так же как слово «доктринерский» – сохранило по сей день. Однако если исследовать это «пренебрежение» в его принципиальном значении, то окажется, что речь идет об уничижении гносеологического и онтологического характера, ибо объектом его является мышление противника. Можно более точно определить направленность этой уничижительной оценки: она носит онтологический и гносеологический характер, ибо утверждает ирреальность мышления противника. Но можно задать еще и следующий вопрос: ирреально по отношению к чему? Ответ будет гласить: по отношению к практике, практике политического деятеля. С этого момента термин «идеология» обретает дополнительный смысл, согласно которому каждая мысль, определенная как идеология, не может иметь практического значения; единственный же доступ к действительности открывает практическая деятельность, и в сопоставлении с ней мышление вообще – или в каком – либо частном случае определенное мышление – оказывается несостоятельным. Тем самым

становится очевидным как на формирование нового значения слова накладывает отпечаток позиция его создателя, т.е. политического деятеля. Новое слово санкционирует специфическое восприятие действительности, присущее политику[35], как бы пропагандирует его практический иррационализм, весьма далекий от того, чтобы воспринимать мышление как орудие познания действительности.

Слово «идеология» утвердилось в этом понимании в течение XIX в. А это означает, что мироощущение политического деятеля и его представления о действительности все более вытесняют схоластически-созерцательное восприятие и мышление; и с этого момента звучащий в слове «идеология» вопрос – что же действительно есть действительное? – более не исчезает. Однако это надо понимать правильно: вопрос о природе действительности сам по себе не нов; решительным сдвигом следует считать то, что этот вопрос все настойчивее ставится в сфере общественного мышления (а не в замкнутой академической сфере) в том направлении, как того требует слово «идеология», т.е. отправляясь от восприятия политика. Поэтому, для того чтобы удовлетворить требованиям современной истории мышления, социологическая история идей должна все более концентрировать свое внимание на действительном мышлении людей, а не на мышлении, передающемся из поколения в поколение в академических кругах. Если первоначально исследователи ложного сознания обращались в своих поисках истинного и действительного к Богу или к идеям, постигаемым посредством чистого созерцания, то теперь одним из критериев действительного все более становятся законы бытия, постигнутые впервые в политической практике. Эту специфическую черту понятие идеологии сохранило, несмотря на все изменения содержания, которое оно претерпело на протяжении всей своей истории от Наполеона до марксизма. Приведенный выше пример свидетельствует также о том, что уже в словах Наполеона имплицитно содержится «прагматизм», что этот «прагматизм» стал в определенных жизненных сферах как бы естественным мировоззрением современного человека и что философия в данном случае лишь доводит до логического конца сложившиеся там представления.

Мы намеренно остановились на анализе этого оттенка в словотворчестве Наполеона, чтобы отчетливо показать, как часто в повседневной речи имплицитно содержится больше философского смысла и подлинного значения для последующей эволюции проблемы, чем в академических диспутах с их тенденцией изолироваться от внешнего мира[36].

Еще одно обстоятельство, которое и нам поможет продвинуться в изучении данной проблемы, может быть показано на этом примере. В своей борьбе «сверху вниз» Наполеон, именуя своих противников «идеологами», пытался дезавуировать и уничтожить их. На более поздних стадиях развития мы обнаруживаем обратное; слово «идеология» используется

в качестве орудия дезавуирования оппозиционными слоями общества, прежде всего пролетариатом. Одним словом, столь глубокое проникновение в структуру мышления, как то, которое содержится в понятии идеологии, не может быть долгое время привилегией одного класса. Именно широкое распространение этого подхода, вызванное тем; что люди, занимающие определенную позицию, не могут в течение длительного времени 'разоблачать высказывания всех остальных как идеологические без того, чтобы и остальные не воспользовались тем же методом, незаметно создает новую в методическом отношении стадию во всей эволюции нашего мышления.

Одно время казалось, что выявление идеологического аспекта в мышлении противника является исключительной привилегией борющегося пролетариата. Общество быстро забыло о намеченных нами выше исторических корнях этого слова, и не без основания, ибо только в марксистском учении этот тип мышления получил последовательно методическую разработку. Только здесь сливается понятие частичной и тотальной идеологии, все более последовательно разрабатывается учение о классовых интересах, только в марксизме в силу его гегельянской основы преодолевается чисто психологический подход и проблема перемещается в сферу философии сознания; только в марксизме учение о возможности «ложного сознания»[37] обретает новый смысл, а политическая практика становится наряду с экономикой решающим критерием того, что во всей совокупности идей является идеологией и. что имеет реальную значимость. Поэтому нет ничего удивительного в том, что понятие идеологии связывали прежде всего с марксистско-пролетарской системой мышления, более того, даже отождествляли с ней. Однако в ходе развития истории идей и социальной истории эта стадия была преодолена. Оценка «буржуазного мышления» с точки зрения его идеологичности не является более исключительной привилегией социалистических мыслителей; теперь этим методом пользуются повсеместно, и тем самым мы оказываемся на новой стадии развития.

Начало ему положили в Германии Макс Вебер, Зомбарт и Трельч – мы называем только самых видных представителей этого направления. Все более подтверждаются слова Макса Вебера: «Материалистическое понимание истории – не останавливающийся по желанию пассажиров фиакр; он не повинуется и носителям революции»[38]. Проблема идеологии носит слишком общий и принципиальный характер, чтобы она могла длительное время оставаться привилегией одной партии; никто не мог воспрепятствовать противникам марксизма подвергнуть анализу, направленному на выявление идеологичности, и это учение.

<…>

6. Свободное от оценки понятие идеологии

Ученый, приступающий к такого рода историческому исследованию, может оставить в стороне проблему истины в ее абсолютном смысле и исходить из той ситуации, которая сложилась в современной науке, т.е. из того факта, что в настоящее время и в историческом прошлом выявились те связи, которые никогда ранее не прослеживались с такой полнотой. Исследователя наших дней будет интересовать не столько то, какая партия права, сколько форма эволюции, генезис возможной истины в рамках данного социального процесса. Подобный более длинный путь в решении теоретического вопроса исследователь может обосновать тем, что этот окольный путь через социальную историю способен в конечном итоге обогатить наше знание о природе истины. Исследователь не преминет воспользоваться ситуацией, когда может быть обнаружена если не сама истина, то ряд незамеченных ранее «обстоятельств», которые не могут не быть существенными для обнаружения истины. Те, кто полагает, что они обладают истиной, закрывают себе доступ к подобному пониманию; между тем вполне вероятно, что именно наша непредвзятость в ряде случаев приближает нас к постижению того, что было полностью скрыто от людей аподиктических эпох.

Совершенно очевидно, что только в нашем мире с присущим ему стремительным и радикальным преобразованием в социальной и духовной сфере идеи и ценности, рассматривавшиеся раньше как абсолютные, могут обрести такую прозрачность, которая позволит нам видеть все и вся в аспекте идеологичности. До сих пор критике подвергались какие-либо определенные идеи, но тем настойчивее абсолютизировались собственные; теперь же существует слишком много одинаковых по своей ценности и духовному значению позиций, релятивизирующих друг друга, чтобы какая-либо концепция или позиция могла обрести ту устойчивость, которая позволила бы ей претендовать на абсолютную значимость. Лишь в такого рода социально неустойчивой ситуации становится очевидным тот факт, маскировавшийся раньше повсеместной социальной устойчивостью[48] и господством традиционных норм, что любая социальная позиция носит частичный характер. Вполне очевидно, что всякая деятельность требует известного гипостазирования своих взглядов, сама форма выражения мыслей – их абсолютизации. Однако в нашу эпоху функция исторического исследования (и, как мы увидим далее, представителей определенных социальных групп) заключается в том, чтобы препятствовать утверждению этого вынужденного необходимостью и неизбежного в конкретной ситуации самогипостазирования, в постоянном противодействии ему все время показывать относительность этого самоапофеоза и тем самым достичь известной открытости по отношению к возможному дополнению нашего знания видением с других социальных позиций.

Требование дня состоит в том, чтобы использовать то сумеречное освещение, в котором все вещи и позиции открывают свою относительность; чтобы раз и навсегда понять, что все системы осмысления, которые составляют наш мир, являются лишь движущимися историческими кулисами и что становление человека происходит либо за ними, либо вне их. В данный исторический момент, когда все вещи внезапно становятся прозрачными, а история открывает нам свою структуру и конституирующие ее элементы, наше научное мышление должно извлечь из сложившейся ситуации все, что можно, ибо не исключено, что очень скоро – как это уже неоднократно случалось в ходе исторического развития – эта прозрачность исчезнет и мир вновь закостенеет в едином образе.

Это первое свободное от оценки понимание истории не обязательно должно вести к релятивизму; скорее оно приведет к реляционизму. Абсолютную формулировку общего понятия идеологии не следует отождествлять с иллюзионизмом (идеология на этой ступени феноменологически не идентична иллюзии); социально обусловленное познание не повисает в пустоте, социально обусловленная норма не является ни к чему не обязывающей. Реляционизм означает только взаимоотнесенность всех смысловых элементов и их взаимно обосновывающую значимость внутри определенной системы. Однако эта система возможна и значима только для исторического бытия определенного типа, чьим адекватным выражением она некоторое время является. Если бытие смещается, то ему становится чуждой «созданная» им некогда нормативная система. То же относится к познанию и к историческим взглядам. Каждое познание направлено, правда, на определенный предмет и применяется прежде всего к нему. Однако характер подхода к предмету зависит от природы субъекта. Во-первых, с точки зрения интенсивности (особенно если речь идет о «понимании», когда предпосылкой проникновения в объект является сущностное родство между понимающим и понимаемым), но затем и с точки зрения возможности интеллектуальной формализации теоретической структуры предмета, ибо для того чтобы стать познанием, видение должно быть формализовано и концептуализовано, а формализация и концептуализация зависят от состояния теоретико–понятийной системы отсчета. Какие понятия и уровни соотнесения существуют и в каком направлении они движутся в своем дальнейшем развитии, не в последней степени зависит от историко-социального положения ведущих (de facto)[49] мыслящих, представителей определенных групп. Следовательно, темой исследования, свободной от оценки идеологии, является постоянная соотнесенность всякого познания и содержащихся в кем основных элементов со смысловой и в конечном итоге с исторической структурой бытия: попытка обойти это понимание, не придавать ему должного значения была бы отказом от возможностей уже достигнутого уровня мышления.

Поэтому стало весьма сомнительным, следует ли вообще направлять свои усилия на то, чтобы искать в этом потоке незыблемые идеи или так называемые «абсолютные» ценности, является ли это подлинной исследовательской задачей нашего времени. Быть может, более высокая задача заключается именно в том, чтобы научиться мыслить не статически, а динамически и реляционно. Тревожное чувство вызывает тот факт, что на современной стадии развития мышления и социального бытия именно те люди, которые претендуют на обладание «абсолютными ценностями», преисполнены сознания своего превосходства. Подобное самовозвеличение и самовосхваление, основанное на мнимом обладании абсолютными ценностями, сводится часто к простой спекуляции потребностью широких масс в устойчивости и их нежеланием видеть разверзающуюся перед ними пропасть, которая обнаруживается со все большей очевидностью на данной стадии бытия. Можно согласиться с тем, что жизненно необходимым условием существования и деятельности является преодоление различных возможностей и концентрация внимания на конкретных задачах и абсолютизированных непосредственных ценностях; однако в наши дни ни с чем не соотнесенного, абсолютного ищут не люди действия, а те, кто стремится к стабилизации существующего положения для сохранения обретенного ими благополучия. Наслаждающиеся уютом и покоем весьма склонны гипостазировать и стабилизировать в качестве абсолютных ценностей случайные перипетии повседневном, к которым следует отнести и романтизированные представления («мифы»), чтобы тем самым сохранить покой и уют. Так, в современном мышлении происходит странное преобразование: категория абсолютного, которая некогда была направлена на постижение Божества, становится орудием повседневности, всеми силами стремящейся замкнуться в себе.

7. Переход свободного от оценки понятия идеологии в оценивающее понятие идеологии

Таким образом, свободное от оценки понятие идеологии, направленное сначала лишь на то, чтобы созерцать и исследовать бесконечное течение беспрестанно меняющейся исторической жизни, незаметно (подобно тому как это произошло с нами в только что завершенной стадии мыслительного процесса) переходит на позиции познавательно-теоретической, а в конечном итоге и онтологически – метафизической оценки. Ведь и в нашей аргументации свободная от оценки динамическая точка зрения незаметно превратилась в орудие борьбы, направленное против определенной позиции, и тем самым в утверждение определенного видения мира, в рамках которого и возникает сама эта «свободная от оценки» позиция. Следовательно, и в данном случае – пусть лишь на завершающей стадии нашей

исследовательской деятельности – проступает та латентная мотивация, которая с самого начала вела к методу всеобщей динамизации и к проведению точки зрения историзма.

Подобное обнаружение определенной метафизически-онтологической позиции[50], проявляющейся даже независимо от нашего осознания ее, способно испугать только тех, кто все еще находится во власти минувшей позитивистской эпохи и полагает, что его мышление может быть совершенно свободно от всех оценок, всех предвзятых решений, от какой бы то ни было онтологической или метафизической окраски[51]. Однако чем последовательнее мы в интересах подлинного эмпиризма выявляем предпосылки нашего мышления, тем яснее становится, что именно эмпирическое исследование (во всяком случае в исторических науках) возможно только на основе определенных метаэмпирических, онтологических, метафизических решений и проистекающих отсюда ожиданий и гипотез. Тот, кто не принимает решений, не может ставить вопросы и не способен сформулировать даже эвристическую гипотезу, которая позволила бы ему исследовать историческое прошлое. К счастью, позитивизм, несмотря на его гносеологические предрассудки и претензии на научное превосходство, обладал онтологическими и метафизическими предпосылками (примером могут служить его вера в прогресс, его специфически «реалистический» подход, который предполагает наличие онтологических суждений) и именно поэтому дал много ценного; в ряде случаев результаты этого исследования сохранили свое значение и для последующего времени. Опасность онтологических решений состоит совсем не в том, что они вообще существуют и влияют на эмпирическое исследование, и даже не в том, что они ему предшествуют[52], а в том, что традиционная онтология препятствует новому становлению, и прежде всего становлению базиса нашего мышления, и что до тех пор пока мы не научимся в каждом данном случае отчетливо осознавать, что привнесенная нами в исследование теоретическая система носит частичный характер, наше постижение будет сохранять косность, недопустимую на современной стадии развития. Наши требования сводятся, следовательно, к тому, чтобы мы всегда проявляли готовность признать частичный характер любой точки зрения и понять, в чем этот частичный характер заключается; и мы полагаем, что сознательное выявление имплицитных метафизических предпосылок (которые только и делают возможным эмпирическое исследование) будет в значительно большей степени способствовать чистоте научного исследования, чем их принципиальное отрицание, вслед за которым они вводятся через черный ход.

Примечания

18. По библиографии вопроса я в дополнение к сказанному отсылаю к следующим моим работам: Mannheim K. Das Problem einer Soziologie des Wissens. − «Arch. ftir Sozialwiss. u. Sozialpolitik», Tubingen, 1925, Bd 53, H.3. S.577−652; Mannheim K. Ideologische und soziologische Interpretation der geistigen Gebilde. − In: Jahrbuch fur Soziologie. Bd 2. Karlsruhe, 1926, S.424−440.

Наиболее важные выводы вышеприведенного структурного анализа содержались в главе о различных значениях понятия идеологии, которая была передана редакции упомянутого «Ежегодника», но не вышла в свет. (Ср. там же, примечание на S.424.)

Для ознакомления с литературой вопроса см.: Allgemeines Handworterbuch der philosophischen Wissenschaften nebst ihrer Literatur und Geschichte. Leipzig, 1833. Lalande A. Vocabulaire de la philosophic. P., 1926. Salomon G. Historischer Materialismus und Ideologienlehre. − In: Jahrbuch fur Soziologie. Bd 2. Karlsruhe, 1926, S.386−423. Ziegler H.O. Ideologienlehre. − «Arch. fur Sozialwiss. u. Sozialpolitik», TObingen, 1927, Bd 57, H.3, S. 657−700.

Большинство исследователей идеологии не достигают в своих работах уровняструктурного анализа и удовлетворяются либо изложением истории идей, либо самыми общими рассуждениями. В качестве примера можно привести известные исследования Макса Вебера, Г. Лукача, К. Шмитта, а в последние годы следующую работу: Kelsen H. Die philosophischen Grundlagen der Naturrechtelehre und des Rechtspositiyismus. Chariottenburg, 1928. (Vonrage der Kant-Gesellschaft, N 31).

Классические работы Зомбарта, Шелера, Оппенгеймера и т. п. не вошли в библиографию, поскольку они всем известны.

При более широком понимании нашей темы особенно интересны и поучительны две следующие работы: Riezler K. Idee und interesse der politischen Geschichte. − In: Die Dioskuren. Bd 3. Munchen, 1924, S.1–13; Szende P. Verhulung und Enthullung. Leipzig, 1922.

А также: Adier G. Die Bedeutung der Illusionen fur Pofitik und soziales Leben. Jena, 1904. Jankeleviteh S. Du r6le des idees dans revolution des societes. − «Revphilos.», P., 1908, vol. 66, N 8, p.256-280; Millioud M. La formation de fideal. − «Rev. philos.», P., 1908, vol. 66, № 8, p.138−159. Dietrich Л Kritik der polifechen Ideologien. − «Arch. fur Geschichte u. Polffik», B., 1923, H. 1, S.25−63.

19. Идолов рода (лат.).

20. Идолов пещеры (пат.).

21. Идолов рынка (пат.).

22. Идолов театра (лат.).

23. Характерно следующее место из первой книги «Нового органона» Бэкона (§ 38): «Идолы и ложные понятия, проникшие в человеческое сознание и укоренившиеся в нем, не только в такой степени заполнили сознание людей, что истина с трудом находит к нему доступ, но и в тех случаях, когда этот доступ осуществляется, они вновь возвращаются и препятствуют научному исследованию; это будет продолжаться до той поры, пока человечество, будучи предупрежденным об этой опасности, не примет всех возможных мер против них» (Bacon F. The physical and metaphysical works. Ed: by J. Devey. L., 1891, p.389).

24. Кн.1 § 43: «Существуют также идолы, возникающие вследствие взаимоотношений и сообщества людей, − их мы называем идолами рынка, поскольку они проистекают из общения людей и их ассоциаций; ибо люди общаются с помощью языка, но слова создаются по воле толпы и из дурного и непригодного словообразования проистекает поразительное по своему воздействию препятствие для сознания» (Бэкон, Op.cit, p. 390, § 43. См. также § 59). «Об идоле традиции» Бэкон говорит следующее: «Если человек когда-либо усвоил какое-либо положение в качестве истинного (то ли из-за связанного с ним удовольствия), он заставляет все остальное служить опорой и подтверждением этого положения; и пусть даже большинство фактов служит неопровержимым доказательством обратного, он либо не замечает и игнорирует их, либо сбрасывает их со счетов и отстраняет, пользуясь любым предлогом, на основании самых очевидных и нелепых предрассудков, − только бы ни пожертвовать своим первоначальным мнением» (Бэкон. Op.cit, § 46, p.382).

25. Во дворце (ит.).

26. На площади (ит.).

27. Machiavelli N. Discorse. Vol.1. Цит. По: Meinecke F. Die Idee der Staatsrason. Munchen-Berlin, 1925, S.40.

28. Ibid.

29. Meusel F. Edmund Burke und die franzosische Revolution. B., 1913, S.102.

30. Притворяться (англ.).

31. К. Шмитт очень хорошо анализирует это характерное для нашей эпохи мышление, которое, глубоко ощущая себя обманутым, повсюду ищет нарочитую попытку маскировки, искажения и сублимации. Однако вместе с тем Шмитт обращает внимание на распространенное в политической литературе XYII в. слово «simulacre», которое можно рассматривать как предвосхищение нашей современной точки зрения (Schmitt C. Politische Romantik. 2. Aufl. Mulnchen-Berlin, 1925, S.19)

33. «Возлюбленные, не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они...» Ин. Первое послание. 4.1

34. См. Picavet F. Les ideologues. Essai sur l'histoire des idees et des theories scientifiques, philosophiques etc. en France depuis 1789. P., 1891.

Дестю де Трэси, основатель упомянутой школы, определяет эту науку об идеях следующим образом: «Cette science peut s'appeler Ideologic si l'on ne fait attention qu'au sujet; Grammaire generale si l'on n'a egard qu'au moyen, et Loglque, si l'on ne considere que Ie but. Quelque nom qu'on lui donne, elle renferme necessairement ces trois parties; car on ne peut en traiter une raisonnablement sans traiter les deux autres. Ideologle me paraft Ie terme generique, parce que la science des idees renferme celle de leur expression et celle de leur deduction». (Destutt de Tracy A.L. Les elements d'ideologie. 3-me ed. P., 1817, p. 4.)

35. На основании выводов следующего раздела можно было бы охарактеризовать особый поддающийся более точному стандартному определению тип политика, чье мировоззрение и онтологическая позиция здесь имеются в виду. Ибо не все политики разделяют иррациональные онтологические взгляды.

36. О структуре и своеобразии «схоластического мышления» и вообще любого мышления, возникающего в «монопольной ситуации» его носителей, см. мой доклад: Mannheim К. Die Bedeutung der Konkurrenz im Geistlgen. − In: Verhandlungen des B.Deutschen Soziologentages in Zurich, Tubingen, 1929.

37. Само выражение «ложное сознание» создано марксизмом. См. Mehring F. Geschichte der deutschen Sozialdemokrafe. Bd1. B., 1960. Salomon G. Historischer Materialismus und Ideologienlehre. − In: Jahrbuch fur Soziologie. Bd 2. t^arlsruhe, 1926, S.417.

38. Weber M. Politik als Beruf. − In: Weber M. Gesammelte politische Schriften. Munchen, 1921, S.446.

48. Под социальной устойчивостью мы понимаем не бедность событиями и не прочность индивидуального существования, а стабильность социальной структуры, являющейся главной гарантией стабильности «ценностей» и «идей».

49. Фактически (лат.).

50. Впрочем, это оценочное суждение и эта онтология, которые действуют как бы за нашей спиной и сами возникают лишь в процессе нашего исследования, являются таковыми на совсем ином уровне и резко отличаются от тех, о которых шла речь, когда мы выступали против абсолютизаций, направленных на возрождение (в духе романтического понимания) того, что уже уничтожено в ходе исторического развития. Неизбежная Ex-post онтология, которая независимо от нашего желания присутствует в нашей деятельности, не есть результат романтических грез, стремлений возродить прошлое, чтобы тем самым закрыть для себя горизонт реальной

действительности, напротив, это и есть наш подлинный горизонт, который не может быть устранен каким бы то ни было отказом от идеологии.

Именно здесь мы видим некий просвет на нашем пути, указывающий на возможное решение проблемы (хотя мы в данной книге и не пытаемся дать какое-либо решение); дело заключается в том, что выявление идеологии и утопии разрушает действенно лишь те содержания идей, с которыми мы не идентифицируем себя полностью. Возникает вопрос, не заключен ли при определенных обстоятельствах момент конструктивности уже в самой деструкции, не складывается ли новая направленность, новый тип человека уже тогда, когда возникает сомнение в незыблемости существующих идей и концепций. Так, некогда мудрец сказал: «Я часто становлюсь свидетелем того, как люди, которые приходят ко мне за советом, сами отвечают на свои вопросы».

51. Несколько более критический позитивизм ставил более скромные требования, допуская «минимум необходимых предпосылок». Возникает вопрос, не сводится ли этот минимум к «определяемому нашим бытием нерасторжимому остатку онтологии».

52. В противном случае эмпирическое исследование вообще не могло бы проводиться, ибо в себе и для себя налично сущее, объективированная смысловая структура, может открыться лишь задающему определенные смысловые вопросы субъекту.

© Жовтун Д.Т., составитель, 2010